

Дни интеллектуальной собственности 2015 г.	3
Резолюция VIII Международного форума «Интеллектуальная собственность – XXI век»	10
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ И ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ	
Д.А. Профатилов, О.Н. Быкова, М.О. Ольховская Краудфандинг: сущность, опыт применения в отечественной и зарубежной практике	17
И.В. Понкин Патенты на биотехнологические изобретения, связанные с генетикой человеческого организма	36
А.Ю. Трунина Сущность инновационной деятельности	42
РОССИЙСКОЕ ПРАВО: НОРМЫ И ПРАКТИКА	
А.А. Щербович Конституционное право на доступ к Интернету: мировой опыт и выводы для России	57
Л.Б. Ситдикова Правовая природа саморегулируемых организаций	71
И.П. Антонов, М.А. Кулезин Правовое регулирование рынка виртуальной собственности в Российской Федерации и за рубежом	82
Научная школа	
С.В. Зарубин Оригинальность как критерий предоставления авторско-правовой охраны идеям	94
В.В. Семенова Прикоснемся к ретуши: правовые аспекты процесса ретуширования	104
РЕЦЕНЗИИ	
И.В. Васильева Рецензия на монографию Е.А. Неретиной, И.В. Гвоздецкой «Управление капиталом брендов промышленной компании»	111
SUMMARY	115

Учредители

Российская государственная академия интеллектуальной собственности, Российское авторское общество

Редакционный совет

И.А. Близнец; Ю.Л. Бошицкий; А.В. Данилов-Данильян; И.Н. Дроздов;
А. Камуссо; П.А. Катков; К.С. Мауленов; Б.П. Симонов; Е.В. Ткаченко;
М.А. Федотов; С.С. Федотов; Е.Э. Чуковская

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-45608

Адрес редакции

Москва, 117279, ул. Миклухо-Маклая, д. 55а. Тел.: (499) 743-01-64 доб. 176 <http://journal.rgiis.ru>. e-mail: journal@rgiis.ru

Редакционная коллегия

А.М. Вилинов, О.В. Видякина, Е.К. Глушко, Е.В. Еременко,
М.Г. Иванова, О.Ю. Митин, В.Р. Смирнова, Т.Н. Степанец,
С.Ю. Ульяшина

Главный редактор

Е.К. Глушко

COPYRIGHT

3/2015

INTELLECTUAL PROPERTY DAYS IN 2015	3
The Resolution of the VIIIth International Forum «Intellectual Property – the XXI century»	10
INTELLECTUAL PROPERTY AND INNOVATION DEVELOPMENT	
<i>D.A. Profatillov, O.N. Bykova, M.O. Olkchovskaya</i>	
Crowdfunding: its essence and application in Russian and foreign practice	17
<i>I.V. Ponkin</i>	
Patents for biotechnological inventions related to genetics of a human organism	36
<i>A.Ju. Trunina</i>	
The content of innovation activity	42
RUSSIAN LAW: REGULATIONS AND PRACTICE	
<i>A.A. Scherbovitch</i>	
Constitutional right to Internet access: world experience and conclusions for Russia	57
<i>L.B. Sitdikova</i>	
The legal nature of self-regulated organizations	71
<i>I.P. Antonov, M.A. Kulezin</i>	
The legal regulation of virtual property market in the Russian Federation and abroad	82
SCIENCE SCHOOL	
<i>S.V. Zarubin</i>	
Originality serving as a criterion for providing copyright and legal protection to ideas	94
<i>V.V. Semyonova</i>	
The legal aspects of retouching process	104
REVIEWS	
<i>I.V. Vasilyeva</i>	
Review of the monograph by Neretina E.A., Gvozdetskaya I.V. «Managing brand capital of an industrial company»	111
SUMMARY	115

Founding group

The Russian State Academy of Intellectual Property,
Russian Authors Society

Editorial Board

I.A. Bliznets, Y.I. Boshitskiy (Kyiv, Ukraine); A.V. Danilov-Daniljan,
I.N. Drozdov, A. Kamusso (Turin, Italy); P.A. Katkov,
K.S. Maulenov (Almaty, Kazakhstan); B.P. Simonov, E.N. Tkachenko,
M.A. Fedotov, S.S. Fedotov, E.E. Chukovskaja

Certificate of registration of mass media ПИ № ФС77-45608

Address of editorial office

h.55a, Miklukho-Maklaya st., 117279 Moscow. Tel.: (499) 743-01-64 доб. 176, <http://journal.rgiis.ru>. e-mail: journal@rgiis.ru

Editorial Staff

A.M. Viliinov, O.V. Vidyakina, E.K. Glushko, E.V. Eremenko,
M.G. Ivanova, O. Yu.Mitin, V.R. Smirnova, T.N. Stepanets,
S.Yu. Uliashina

Editor-in-chief

E.K. Glushko

*А.А. Щербович,
кандидат юридических наук,
преподаватель кафедры конституционного
и административного права
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»*

Конституционное право на доступ к Интернету: мировой опыт и выводы для России

В статье рассматриваются право на доступ в Интернет, уже введенное в законодательства ряда стран, и возможные последствия для законодательства и правоприменительной практики в случае его закрепления в России. Показан подход к данной проблеме со стороны международного права и законодательств некоторых государств. Дается анализ российской правоприменительной практики в области регулирования Интернета с точки зрения критериев правомерности и ограничений конституционных прав и свобод граждан.

Ключевые слова: Интернет, конституционные права и свободы, право доступа, правомерные ограничения.

Конституционное право на доступ к информации с развитием информационно-коммуникационных технологий подлежит дальнейшему серьезному расширению. Интернет существенно увеличил возможности граждан для реализации их конституционных прав. В международно-правовых актах доступ к Интернету провозглашается предпосылкой к реализации фундаментальных прав и свобод человека и гражданина. Почему существуют трудности в признании права на доступ к Интернету в конституционном праве России и ряда иных стран?

Основная причина состоит в том, что в случае закрепления этого права возникает обязанность государства обеспечивать это право инфраструктурой доступа к Интернету (проблема «цифрового разрыва»). Российская Федерация, к примеру, по рейтингу развития Интернета занимает 35-е из 86 мест между Польшей и Колумбией¹, а по рейтингу свободы прессы – 152-е из 180 между Гамбией и Сингапуром².

Следующая проблема носит скорее политико-идеологический характер. Интернет реально позволяет реализовывать конституционные права и свободы граждан (большой частью политические), а это значит, что государство должно быть готово к тому, что в открытом информационном обществе это будет происходить без государственного вмешательства. Прежде всего это касается роли Интернета в реализации конституционной свободы слова и иных политических прав. Поэтому перспективы закрепления права доступа к Интернету в конституционном праве напрямую обусловлены уровнем открытости власти и качеством реализации прав и свобод граждан.

Особо следует выделить вопросы поддержки и развития международных институтов в области управления Интернетом, в частности Форума по управлению Интернетом при ООН, десятое совещание которого состоится в Бразилии в ноябре 2015 г.

Закрепление конституционного права на доступ в Интернет на международном уровне. Отметим, что жесткой международно-правовой нормы, гарантирующей доступ в Интернет, на международном уровне не существует. Причина заключается в многообразии подходов к решению этой проблемы и отсутствию единого органа, отвечающего за принятие подобных решений. Однако некоторые акты, по которым можно составить представление об отношении международного сообщества к признанию и закреплению права доступа в Интернет, все же существуют.

ООН признала доступ в Интернет неотъемлемым правом человека, которое необходимо обеспечивать на всех уровнях. В опубликованном в мае 2011 г. отчете о распространении и защите прав на сво-

¹ Исследование World Wide Web Foundation: Рейтинг развития Интернета в странах мира в 2014 году // Центр гуманитарных технологий // <http://gtmarket.ru/news/2015/02/05/7084> (дата обращения – 4 июня 2015 г.).

² Репортеры без границ: Всемирный индекс свободы прессы 2014–2015 // Центр гуманитарных технологий // <http://gtmarket.ru/news/2015/02/12/7090> (дата обращения – 4 июня 2015 г.).

боду выражения мнений¹ Генеральная Ассамблея ООН определила, что доступ в Интернет является частью этих прав и свобод. В частности, в отчете Интернету отводится одна из решающих ролей в развитии общества.

Несмотря на то что отчет ООН 2011 г. в основном рассматривает право человека на доступ в Интернет в связи с событиями «арабской весны» на Ближнем Востоке, положения этого документа об Интернете относятся и ко всему остальному миру.

Следует заметить, что судьба этого нового права человека – права на доступ в Интернет – во многом зависит от государственного строя и правящей власти. Например, еще в 2010 г. Британская телерадиокомпания ВВС провела и опубликовала исследование, результаты которого показали, что четверо из пяти взрослых людей относят Интернет к фундаментальным правам человека². Это право признавалось также и официальными представителями стран, в которых доступ в Интернет контролируется государством.

Вопросы, связанные с развитием информационного общества и соответствующими изменениями правовой системы, неоднократно поднимались европейскими организациями. Парламентской ассамблеей Совета Европы принята резолюция «О влиянии новых коммуникационных и информационных технологий на демократию», согласно которой бурное развитие информационно-телекоммуникационных технологий должно способствовать укреплению свободы, самореализации граждан, более эффективным связям власти и общества, стимулировать экономическое развитие и занятость, способствовать социальному и культурному прогрессу, распространению знаний. Национальные власти призываются к принятию нормативных актов, которые гарантировали бы наиболее эффективное использование информационно-телекоммуникационных технологий и стимулировали технический прогресс с учетом уважения демократических принципов и прав человека. Рекомендуются обеспечить общедоступные компьютерные мощности, которые позволяют реали-

¹ See: Human Rights Council. 17th session. Agenda item 3. Promotion and protection of all human rights, civil, political, economic, social and cultural rights, including the right to development. On written statement submitted by the Association for Progressive Communications (APC), a non-governmental organization in general consultative status. A/HRC/17/NGO/38. 24 May 2011 // <http://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G11/134/91/doc/G1113491.DOC?OpenElement> (дата обращения – 4 июня 2015 г.).

² See: BBC News. Internet access is 'a fundamental right' // <http://news.bbc.co.uk/2/hi/8548190.stm> (дата обращения – 4 июня 2015 г.).

зовать все возможности национальных и международных информационно-телекоммуникационных сетей¹.

В 2002 г. была принята Директива Европейского союза 2002/22/ЕС «Об универсальных услугах связи и правах пользователей, касающихся сетей электронных коммуникаций и услуг» (Директива об универсальных услугах связи), которая обязала все 27 стран-членов, а по сути, и кандидатов на вступление в Евросоюз, принять меры по обеспечению доступа граждан к сети Интернет. В ст. 4 Директивы закреплено, что государства-члены должны гарантировать удовлетворение (в разумных пределах) всех заявок о присоединении фиксированной телефонной точки доступа к телефонной сети общего пользования. Подобная услуга должна оказываться по меньшей мере одним предприятием. Согласно ч. 2 этой статьи такое присоединение должно обеспечивать «функциональный доступ в Интернет» с учетом преобладающей технологии такого доступа².

Совместная Декларация о свободе выражения мнений в Интернете, принятая в 2011 г. совместно ООН, ОБСЕ, Организацией американских государств и Африканской комиссией по правам человека и народов (далее – СДСВМИ), непосредственно провозглашает право доступа в Интернет и соответствующие обязанности государств.

Осуществление права на свободу выражения мнений обязывает государства содействовать обеспечению всеобщего доступа в Интернет. Доступ в Интернет также необходим в целях обеспечения соблюдения других прав, таких как право на образование, здравоохранение и труд, свободу собраний и ассоциаций, а также права на свободное участие в выборах.

Ограничение доступа в Интернет или к какой-либо его части для всего населения, или для его определенных сегментов (отключение Интернета) не может быть оправдано ни при каких обстоятельствах, даже если это происходит в связи с необходимостью сохранения общественного порядка или в интересах национальной безопасности. То же относится к замедлению операций в Интернете в целом или в каких-либо его частях.

¹ See: Resolution 1120 (1997) on the impact of the new communication and information technologies on democracy // <http://assembly.coe.int/Main.asp?link=/Documents/AdoptedText/t97/ERES1120.htm> (дата обращения – 4 июня 2015 г.).

² См.: *Серета М.Ю.* Закрепление права на доступ в сеть Интернет в международно-правовых актах и законодательстве зарубежных стран // *Международное публичное и частное право.* – 2013. – № 5. С. 44–47.

Отказ физическим лицам в праве на доступ в Интернет в качестве наказания представляет собой крайнюю меру, которая может быть оправдана только при отсутствии более мягких форм наказания или в случае принятия судом соответствующего решения, с учетом воздействия этой меры на осуществление прав человека.

Другие меры, ограничивающие доступ в Интернет, например введение обязательной регистрации или других требований к поставщикам услуг, незаконны, за исключением случаев, когда такие меры соответствуют международно-правовым нормам по ограничению свободы выражения мнений¹. Следует отметить, что авторитет СДСВМИ подтверждается и Конституционным Судом РФ, который ссылается на эту организацию при формулировке правовой позиции по делу о проверке конституционности положений п. 1, 5 и 6 ст. 152 ГК РФ в связи с жалобой гражданина Е.В. Крылова².

Интересно, что один из «отцов Интернета» Винтон Серф не находит аргументов в пользу признания права на доступ в Сеть правом человека либо правом гражданина. Его точка зрения заключается в том, что Интернет не вечен. Это всего лишь технический инструмент, который позволяет реализовать другие права. Проще говоря, без Интернета протестующими не было бы реализовано право на собрания, но если перекрыть Интернет, то это не нарушение права на доступ в Сеть, а нарушение права на собрания и права на свободу слова. В. Серф привел следующий пример. Когда-то человеку было сложно прожить без лошади, и естественным было бы предложить базовое право каждого на лошадь. Однако дело-то было не в лошадях, а в праве на достойную жизнь и жизнь вообще. И реализация права на лошадь через несколько сотен лет выглядела бы странно.

Мнение В. Серфа вызвало живое обсуждение. Так, во влиятельном техноблоге GigaOM появилась статья известного журналиста Мэтью Ингрэма, в которой он читает Серфа между строк и сводит воедино аргументы разных сторон.

¹ См.: Совместная декларация о свободе выражения мнений в Интернете. 1 июня 2011 г. Цит. по: Права интернет-пользователей: Россия и мир, теория и практика / И. Левова, Г. Шуклин, Д. Винник. – М.: Ассоциация интернет-издателей; «Кабинетный ученый», 2013. – С. 37.

² См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 18-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1, 5 и 6 статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Е.В. Крылова» // СПС «КонсультантПлюс».

Во-первых, он приводит аргумент, который Серф не привел, хотя и мог бы. Причисление доступа в Сеть к фундаментальным правам человека и защита этого права очень дорого обошлись бы властям (в финансовом плане). Ведь кто-то должен оплачивать пожизненный доступ в Интернет или хотя бы реализацию этого права. При этом регулирование конкуренции между провайдерами быстро превратится в нелиберальный кошмар.

Во-вторых, право на доступ в Интернет сравнивают с такими правами, как право на получение медицинской помощи и право на доступ к чистой питьевой воде. Определенная логика в этом есть. Интернет похож не на лошадь, а на систему скоростных трасс, т.е. без этой инфраструктуры и права на доступ к ней обойтись так же сложно, как без лекарств или воды.

Наконец, аналитикам просто страшно оставлять доступ в Интернет в ином статусе. Признание права на доступ значительно ослабит позицию всех режимов, желающих законодательно регулировать Интернет в своих интересах. Ведь закон можно отменить либо приостановить его действие. Приостановление же действия прав, не говоря уже об их отмене, возможно лишь в чрезвычайных ситуациях¹.

Право на доступ к Интернету в конституционном праве зарубежных стран. За рубежом на конституционном уровне право на пользование информационно-телекоммуникационными сетями либо на доступ в Интернет закрепляется редко.

В соответствии с ч. 2 ст. 5а Конституции Греции каждый имеет право на участие в информационном обществе. Содействие в доступе к информации в электронной форме, а равно к ее производству, обмену и распространению является обязанностью государства. Согласно ч. 2 ст. 15 Переходной Конституции Непала от 15 января 2007 г. «радиосвязь, телевидение, Интернет или иные виды цифровых или электронных средств (курсив мой. – А.Ш.), средства печати или любые иные средства массовой информации не подлежат закрытию, изъятию или отмене регистрации в связи с произведенными публикациями, трансляцией или изданием любых материалов на аудио-, видео- или электронном оборудовании»².

Право на доступ в Интернет закреплено законом в Коста-Рике, Эстонии, Финляндии, Франции, Греции и Испании. Указанное право включает в себя следующие составляющие или следствия:

¹ См.: Средство с целью. Отец Интернета отказался признать право на доступ в Сеть // <http://lenta.ru/articles/2012/01/08/cerf/> (дата обращения – 4 июня 2015 г.).

² См.: *Середа М.Ю.* Указ. соч.

- качественный сервис и беспрепятственный доступ к технологическим возможностям, предоставляемым Интернетом;
- свобода выбора и использования программного обеспечения и технических устройств, с которых осуществляется доступ в Сеть;
- требование сетевой нейтральности;
- обязанность стороны, ответственной за передачу или маршрутизацию данных, одинаково относиться к любому пакету данных вне зависимости от контента, источника или назначения, сервиса, терминала или приложения;
- запрет любой дискриминации трафика или ухудшения качества услуг, который нельзя отнести к необходимым техническим требованиям для адекватного предоставления услуг, препятствованию получению или отправке легального контента, приложений и сервисов, а также запрет на подключение определенных устройств к Интернету, если они не наносят вред другим пользователям, используются для кражи сервисов или нарушения работы Сети;
- обеспечение максимального охвата для доступа в Интернет с мобильных устройств и в общественных местах¹.

В августе 1998 г. Канадская комиссия по телерадиокоммуникациям (CRTC) организовала публичную дискуссию с целью определить, какую роль комиссия должна играть (если вообще должна) в области регулирования детской порнографии, проявлений нетерпимости и иного противоправного контента в Сети.

Впоследствии, 17 мая 1999 г., CRTC выпустила медиарелиз под заголовком «CRTC не хочет регулировать Интернет», содержащий следующее утверждение: «Канадская комиссия по телерадиокоммуникациям пришла к выводу, что новые медиа в Интернете достигли целей телерадиовещательного закона и являются живыми, высококонкурентными и успешными без регуляции. CRTC пришла к заключению, что всякая попытка регулировать канадские новые медиа могут нанести отрасли ущерб с точки зрения мировой конкуренции»².

Депутат Верховной рады Украины Александр Фельдман зарегистрировал законопроект «О гарантировании права физлица на доступ к Интернету»³. Этим законопроектом предлагалось отнести

¹ См.: Права интернет-пользователей: Россия и мир, теория и практика. – С. 37.

² См.: Там же. – С. 84.

³ См.: Проект Закона про внесення доповнень до Цивільного кодексу України (щодо гарантування права фізичної особи на доступ до Інтернету) // Официальный веб-портал

право на доступ к Интернету к базовым правам человека. Законопроект сводился к трем пунктам:

- 1) физическое лицо имеет право на доступ к Интернету;
- 2) право физического лица на доступ к Интернету не может быть ограничено;
- 3) ограничение доступа к определенным данным, которые хранятся в Интернете, возможно лишь на основании решения суда о незаконности этих данных.

В практике Европейского суда по правам человека вопрос о доступе в Интернет стал предметом отдельного изучения еще в 2012 г. В решении по делу «Ахмет Йилдырым против Турции» ЕСПЧ (заявление № 3111/10) было установлено, что «необходимо признать право на беспрепятственный доступ к Интернету». В постановлении по делу суд отмечает, что «общее блокирование сделало недоступным обширные массивы информации, тем самым в существенной степени ограничив права пользователей Интернета и оказав значительное побочное воздействие. Соответственно вмешательство не являлось предсказуемым и не обеспечило заявителю степень защиты, на которую он имел право в силу верховенства права в демократическом обществе. Данная мера имела произвольные последствия и не могла рассматриваться как направленная исключительно на блокирование доступа к сайту, содержащему нарушения. Однако судебные процедуры относительно блокирования веб-сайтов были недостаточны для удовлетворения требований о предотвращении злоупотреблений, национальное законодательство не предусматривало гарантий, обеспечивающих недопустимость использования решения о блокировании в качестве средства общего блокирования доступа»¹.

Конституционное право доступа к Интернету и Россия. Несмотря на отсутствие явным образом выраженного и закрепленного в Конституции РФ права на доступ в Интернет, Россия, являясь членом ООН, участником Европейской конвенции о защите прав человека и признавая юрисдикцию Европейского суда по правам человека, также обязана признавать это право человека со всем комплексом вытекающих из него последствий.

Отсутствие охраняемого законом права на доступ в Интернет означает возможность для правоохранительных органов, провайде-

Верховной рады Украины // http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc4_1?pf3511=50669 (дата обращения – 4 июня 2015 г.). В настоящее время проект снят с рассмотрения.

¹ См.: Информация о Постановлении ЕСПЧ от 18 декабря 2012 г. по делу «Ахмет Йилдырым (Ahmet Yildirim) против Турции» (жалоба № 3111/10). // СПС «Консультант-Плюс».

ров и иных лиц, которые могут иметь негативные намерения, в любое время прекратить предоставление гражданину доступа в Интернет. Подобная практика была продемонстрирована властями Туниса и Египта в ходе событий «арабской весны» в 2011 г.

При этом следует иметь в виду и то, что если право граждан на доступ в Интернет на сегодняшний день законодательно никак не закреплено, то нет и возможности зафиксировать минимальную скорость передачи данных, которую государство и провайдеры гарантируют каждому гражданину (кроме осужденных и иных категорий лиц, ограниченных в правах).

В Конституции России закреплены все основные права человека, которые должны обеспечиваться человеку в демократическом обществе. После вступления России в ОБСЕ (1992 г.), Совет Европы (1996 г.) и ратификации ключевых европейских конвенций и других международных правовых актов у государства возникли новые международные обязательства по обеспечению прав человека.

Конституция РФ сформулирована таким образом, чтобы полностью отвечать всем международным соглашениям, которые подписала и ратифицировала Россия. Основные права человека, в том числе свобода мысли, слова и свобода информации, присутствуют во многих международных соглашениях. Эти документы отражают международное понимание сути прав человека, которые приобретают особую значимость именно в своей совокупности в условиях трансграничности Интернета и необходимости обеспечения аналогичных прав и свобод в интернет-пространстве.

Осуществление свободы выражения мнений, которая полагается экспертами основным конституционным правом пользователей Интернета, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия.

Эта оговорка толкуется как трехсоставный критерий, согласно которому любые ограничения в странах Совета Европы (в том числе и в России) должны:

- предусматриваться законом;
- преследовать одну из указанных целей;
- быть необходимыми в демократическом обществе.

Таким образом, для того чтобы понять, насколько закон, принятый в государстве, отвечает требованиям международных стандартов, необходимо ответить на следующие вопросы.

Сформулирован ли закон с точностью, достаточной для того, чтобы позволить гражданину регулировать свое поведение?

В первую очередь вопрос касается юридической техники, но следует также иметь в виду «общий закон» информационного права, согласно которому законодательство всегда будет отставать от развития информационно-коммуникационных технологий.

Является ли ограничение принятым в интересах охраняемых конституционных ценностей, т.е. национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия?

Эти ценности как «предел» реализации большинства конституционных прав приведены в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ.

Существует ли настоятельная общественная потребность для такого ограничения?

Отвечая на этот вопрос, следует иметь в виду возможность расширительного толкования понятия «общественная потребность».

Разбирая конституционные ограничения прав, нельзя не согласиться с мнением М.А. Краснова, который считает, что определить культурную составляющую прав человека можно по тому, как эти права ограничиваются. Вопрос ограничения прав – ключевой вопрос этой проблематики¹.

Прежде всего ограничения содержатся в самой Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, в которой участвует Россия, и других международно-правовых и европейских актах. Более конкретно ограничения сформулированы в правоприменительной практике, в том числе в практике Европейского суда по правам человека.

¹ См.: Краснов М.А. Этика европейского понимания прав человека // Культурные аспекты и правоприменительная практика в области прав человека в Европе. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. – С. 22.

Ограничение прав человека содержится имплицитно в самих этих правах или их ограничивает государство?

Это ключевой вопрос. Судя по последствиям, это, казалось бы, одно и то же. Если имплицитно содержится, то законодатель просто пытается найти эти ограничения, которые изначально «сидят» в самих правах человека.

Но на самом деле в первом случае, т.е. если ограничения имплицитно содержатся в правах человека, государству просто придется признать, что права человека основаны на этических принципах.

Однако принимаемые в России законы в сфере регулирования Интернета объективно не только не гарантируют безусловное право доступа в Интернет, но и не всегда и не с очевидностью соответствуют критериям, гарантирующим правомерность налагаемых ограничений. В частности, экспертами оспаривается Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 398-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»¹. Закон позволяет Роскомнадзору по предписанию Генпрокуратуры РФ производить немедленную блокировку без решения суда сайтов, распространяющих призывы к массовым беспорядкам и другую экстремистскую информацию.

Как написал на своей странице в «Фейсбуке» директор информационно-аналитического центра «Сова» Александр Верховский, об инициативе по ужесточению данного закона на заседании Совета при Президенте РФ по правам человека заявил замначальника Главного управления по противодействию экстремизму МВД генерал-майор полиции Владимир Макаров. По его словам, инициатива исходит от межведомственной комиссии по противодействию экстремизму. Ужесточить закон предполагается за счет двух мер. Первая – разрешить направлять требования блокировки ресурсов не только Генпрокуратуре, но и региональным надзорным ведомствам. Вторая – считать достаточным основанием для отправки таких требований наличие на сайте не только призывов к «противоправным» действиям, но всякой «ксенофобной» информации².

«Закон Лугового» вступил в силу 1 февраля 2014 г. Как утверждал в середине марта 2015 г. глава Роскомнадзора Александр Жаров, за

¹ Известен как «закон Лугового», «закон о блокировке экстремистских сайтов».

² См.: Готовится еще более масштабное наступление на свободы в Интернете // Интернет-портал «Права человека в России // <http://www.hro.org/node/21789> (дата обращения – 4 июня 2015 г.).

время действия этого закона было заблокировано уже около 6500 (!) сайтов, расположенных по 3300 уникальным IP-адресам¹.

В числе первых ресурсов, подвергшихся внесудебной блокировке, оказались «Грани». Доступ к изданию в России закрыт с 13 марта 2014 г. Роскомнадзор заблокировал уже без малого 400 зеркал «Граней». Правозащитники считают, что этот закон представляет собой инструмент интернет-цензуры в России. Совет при Президенте РФ по правам человека заявил, что данный закон серьезно ограничивает конституционные права и свободы граждан².

Следует отметить, что это не первый случай введения внесудебных блокировок интернет-ресурсов по различным основаниям. Так, еще в 2012 г. Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» дополнен ст. 15-1, создающей автоматизированную информационную систему «Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в сети Интернет и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети Интернет, содержащие информацию, распространение которой в России запрещено». В этот реестр будут включаться сайты, содержащие порнографические изображения несовершеннолетних, информацию о наркотиках и их прекурсорах, а также о способах совершения самоубийств. Сайты в данный реестр будут включаться либо по решению суда, либо по решению уполномоченного федерального органа исполнительной власти³.

В заключение можно сделать следующие выводы. Конституционное право доступа в Интернет – это комплексное конституционное право, вытекающее из свободы слова и права доступа к информации. Доступ к информации в Интернете – это частный случай такого доступа. Однако закрепление права доступа в Интернет в качестве самостоятельного права необходимо, так как доступ в Интернет служит предпосылкой для реализации иных конституционных прав и свобод граждан.

¹ См.: Там же.

² См.: Часть провайдеров заблокировала агрегатор блогов BestToday.ru Интернет-портал «Права человека в России» // <http://www.hrgo.org/node/19413> (дата обращения – 4 июня 2015 г.).

³ См.: Федеральный закон от 28 июля 2012 г. № 139-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

Закрепляя конституционное право на доступ в Интернет, законодатель берет на себя соответствующие обязательства по непрепятствованию такому доступу, в том числе на отдельные сайты, а также, возможно, позитивные обязательства по предоставлению доступа в Интернет на недискриминационной основе всем гражданам, включая малоимущих и проживающих в отдаленных местностях.

Право свободного доступа в Интернет, к сожалению, не гарантирует пользователю отсутствие противоправного контента. Помимо прочего противоправный контент в Интернете представляется не чем иным, как нарушением целого ряда прав человека (и отнюдь не только детей), в первую очередь права на неприкосновенность частной жизни, на защиту чести и достоинства личности. Поэтому настало время говорить не только о праве доступа к информации в Сети, но и о праве на ограничение доступа к вредоносной информации. Однако данные ограничения должны быть предусмотрены законодательством и соответствовать критериям правомерности ограничения конституционных прав и свобод.

Библиография

1. BBC News. Internet access is 'a fundamental right' // <http://news.bbc.co.uk/2/hi/8548190.stm> (дата обращения – 4 июня 2015 г.).
2. Human Rights Council. 17th session. Agenda item 3. Promotion and protection of all human rights, civil, political, economic, social and cultural rights, including the right to development. On written statement submitted by the Association for Progressive Communications (APC), a non-governmental organization in general consultative status. A/HRC/17/NGO/38. 24 May 2011. // <http://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G11/134/91/doc/G1113491.DOC?OpenElement> (дата обращения – 4 июня 2015 г.).
3. Resolution 1120 (1997) on the impact of the new communication and information technologies on democracy // <http://assembly.coe.int/Main.asp?link=/Documents/AdoptedText/ta97/ERES1120.htm> (дата обращения – 4 июня 2015 г.).
4. Готовится еще более масштабное наступление на свободы в Интернете // Интернет-портал «Права человека в России» // <http://www.hrg.org/node/21789> (дата обращения – 4 июня 2015 г.).
5. Исследование World Wide Web Foundation: Рейтинг развития Интернета в странах мира в 2014 году. [Электронный ресурс] // Центр гума-

- нитарных технологий // <http://gtmarket.ru/news/2015/02/05/7084> (дата обращения – 4 июня 2015 г.).
6. Репортеры без границ: Всемирный индекс свободы прессы 2014–2015 // Центр гуманитарных технологий // <http://gtmarket.ru/news/2015/02/12/7090> (дата обращения – 4 июня 2015 г.).
 7. Информация о Постановлении ЕСПЧ от 18 декабря 2012 г. по делу «Ахмет Йилдырым (Ahmet Yildirim) против Турции» (жалоба № 3111/10) // СПС «КонсультантПлюс».
 8. *Краснов М.А.* Этика европейского понимания прав человека // Культурные аспекты и правоприменительная практика в области прав человека в Европе. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. – С. 22.
 9. *Середа М.Ю.* Закрепление права на доступ в сеть Интернет в международно-правовых актах и законодательстве зарубежных стран // Международное публичное и частное право. – 2013. – № 5. – С. 44–47.
 10. Права интернет-пользователей: Россия и мир, теория и практика / И. Левова, Г. Шуклин, Д. Винник. – М.: Ассоциация интернет-издателей; «Кабинетный ученый», 2013. – С. 37.
 11. Средство с целью: Отец Интернета отказался признать право на доступ в Сеть // <http://lenta.ru/articles/2012/01/08/cerf/> (дата обращения – 4 июня 2015 г.).
 12. Часть провайдеров заблокировала агрегатор блогов BesIToday.ru Интернет-портал «Права человека в России» // <http://www.hro.org/node/19413> (дата обращения – 4 июня 2015 г.).